Щербаль Сергей Стефанович
канд. полит. наук, старший преподаватель
АНОО ВО «Кубанский институт профессионального образования»
г. Краснодар, Краснодарский край

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ПЕРЕЗАГРУЗКИ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Аннотация: *статья посвящена анализу регионального проекта «перезагрузки» исторической памяти кубанского казачества как механизма конструирования социокультурной идентичности в Краснодарском крае. Показано, что возрождение казачества прошло путь от стихийного общественного движения «снизу» (вторая половина 1980-х-1990-е гг.) к институционально управляемому проекту «сверху», опирающемуся на региональное законодательство, символическую политику и систему казачьего образования. На основе конструктивистской методологии (М. Хальбвакс, П. Нора, П. Бурдьё) выявлены три уровня «рамочной перезагрузки» памяти: переопределение социальных рамок памяти, производство новых «мест памяти» (герб, флаг и гимн края, комплекс «Атаманъ», реституция регалий Кубанского казачьего войска) и конвертация символических смыслов в символический капитал региона. На материалах социологических исследований оценена эффективность проекта. Автор пришел к выводу, что «перезагрузка» исторической памяти является не метафорой, а достаточно эффективной технологией конструирования региональной идентичности.*

Ключевые слова: *историческая память, коллективная память, места памяти, символический капитал, региональная идентичность, кубанское казачество, коммеморативные практики, казачье образование, Краснодарский край.*

Введение.

Возрождение казачества, начавшееся во второй половине 1980-х годов, принято описывать как «восстановление исторической справедливости» и «воз-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

вращение к корням». Однако при более внимательном взгляде этот процесс предстаёт не столько стихийным самовосстановлением традиции, сколько сложным взаимодействием общественной инициативы и государственной политики, в ходе которого заново конструируются границы социальной группы, её символический багаж и её место в региональной и общероссийской системе координат. Особенно нагляден в этом отношении кейс Краснодарского края, где казачество превратилось в один из центральных элементов региональной идентичности и одновременно-в ресурс легитимности краевой власти.

Рабочая гипотеза исследования состоит в следующем: краевая власть последовательно трансформировала стихийное общественное движение «снизу» в институционально управляемый проект «сверху», используя казачество как средство консолидации регионального сообщества и как «символический капитал» территории. При этом «перезагрузка» исторической памяти выступает не метафорой, а рабочим понятием, обозначающим переопределение социальных рамок памяти, производство новых «мест памяти» и их конвертацию в символический капитал.

Объект – процесс возрождения кубанского казачества в Краснодарском крае в 1985–2020-х гг. Предмет – механизмы конструирования социокультурной идентичности кубанского казачества средствами региональной политики памяти.

Цель – выявить институциональные, символические и когнитивные механизмы «перезагрузки» исторической памяти в рамках регионального проекта возрождения кубанского казачества и оценить эффективность этого проекта.

Задачи: 1) обосновать теоретико-методологическую рамку исследования; 2) проследить институционализацию возрождения казачества от движения «снизу» к проекту «сверху»; 3) проанализировать символическую политику и брендирование территории; 4) охарактеризовать коммеморативные практики; 5) на основе социологических данных оценить эффективность проекта.

Методология. Исследование опирается на конструктивистский подход к этничности и идентичности, концепцию «коллективной памяти» М. Хальбвакса,

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

теорию «мест памяти» П. Нора и понятие «символического капитала» П. Бурдьё.

Источниковая база: нормативно-правовые акты РФ и Краснодарского края, материалы краевой прессы, данные социологических исследований А. В. Бредихина и Э. А. Онуфриенко.

1. Теоретико-методологические основания исследования.

Конструктивистская традиция рассматривает этничность и идентичность не как изначально данные сущности, а как результат социального конструирования, в котором участвуют власть, интеллектуалы, СМИ и сами носители идентичности. В этой логике «возрождение казачества» – это не «пробуждение» дремавшей сущности, а производство идентичности в новых исторических условиях.

Концепция коллективной памяти Мориса Хальбвакса позволяет понять механизм этого производства. Память, по Хальбваксу, не хранится в индивидуальном сознании в готовом виде, а реконструируется в зависимости от «социальных рамок», т.е. тех групп, к которым принадлежит индивид. Прошлое вспоминается не «как было», а «как нужно» группе здесь и сейчас [27]. Следовательно, «перезагрузка» исторической памяти есть не что иное, как смена социальных рамок: события, ранее интерпретировавшиеся в логике советской истории (расказачивание как классовая борьба, казачество как «реакционная сила»), переинтерпретируются в логике реабилитации и культурного наследия. Это переопределение рамок-ключевой механизм, который реализует региональная власть.

Теория «мест памяти» Пьера Нора описывает материальные и символические точки, в которых коллективная память «кристаллизуется» и становится доступной для трансляции. Места памяти – это не просто объекты, а узлы смысла, в которых прошлое «сжимается» и приобретает публичную форму [18]. Применительно к кубанскому кейсу к местам памяти относятся герб, флаг и гимн края, этнографический комплекс «Атаманъ», памятники, казачьи парады и фестивали, кадетские корпуса и казачьи классы, а также регалии Кубанского казачьего войска.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Понятие «символического капитала» Пьера Бурдьё объясняет, зачем власти нужны места памяти. Символический капитал – это признание, кредит доверия, которым группа наделяет индивида или институт. Символический капитал конвертируется в политическую легитимность и в экономические ресурсы (туризм, инвестиции, гранты). Бурдьё вводит также понятия «поля власти» и «символического насилия», позволяющие увидеть, как государственные институты навязывают определённое видение социального мира, превращая его в референтную норму [12].

Синтез этих трёх рамок даёт нам рабочий аналитический аппарат, который мы обозначаем как «рамочная перезагрузка»: 1) переопределение социальных рамок памяти (Хальбвакс); 2) производство новых мест памяти (Нора); 3) конвертация произведённых смыслов в символический капитал территории и власти (Бурдьё). Соответственно, анализ строится на трёх уровнях-институциональном (нормативные акты, органы, финансирование), символическом (символика, бренды, коммеморации) и когнитивном/личностном (как жители присваивают или отвергают сконструированную идентичность).

2. Институционализация возрождения казачества: от общественного движения к государственному проекту.

2.1. Движение «снизу».

Возрождение казачества началось в 1985–1987 гг. как реакция на политику гласности и перестройки. Первоначально это были немногочисленные этнографические общества, клубы, фольклорные ансамбли, объединявшие энтузиастов-краеведов, интересовавшихся историей, песенной культурой, бытом казаков. Движение формировалось «снизу» и носило преимущественно культурно-просветительский характер. Его участники ставили задачи восстановления исторической памяти, изучения казачьих традиций и реабилитации казачества как культурной общности [28].

Однако уже к концу 1980-х годов этот социокультурный месседж стал обрастать политическими требованиями: возвращения казачьих наименований, восстановления казачьих обществ, отмены «раскулачивания» и реабилитации

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

репрессированных. По всей стране (Дон, Терек, Урал, Сибирь) возникают казачьи союзы и объединения, стремящиеся к институциональному оформлению [23].

2.2. Правовое поле: от актов реабилитации к системной концепции.

Поворотным моментом стало принятие Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. №1107–1 «О реабилитации репрессированных народов», который создал правовой каркас для восстановления прав репрессированных групп. Казачество, формально не будучи «народом» в юридическом смысле, тем не менее попало в орбиту этого закона [3]. Важнейшим актом стало Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1992 г. №3321–1 «О реабилитации казачества», которое прямо признало казачество как исторически сложившуюся культурно-этническую общность и отменило «незаконные решения» советской власти в отношении казачества [4]. Одновременно действовал Указ Президента РФ от 15 июня 1992 г. №632, создающий условия для привлечения казачества к охране государственных границ. Эти документы, однако, задавали лишь общие правовые рамки процессу возрождения; конкретное наполнение содержанием проекта зависело от политики региональных властей.

В Краснодарском крае базовым документом, положившим начало реабилитации и возрождению кубанского казачества, стал Закон Краснодарского края от 9 октября 1995 г. №15-КЗ «О реабилитации кубанского казачества» [5]. Этот документ явился фундаментальным правовым и одновременно символическим актом, легитимизировавшим процесс возрождения казачества на региональном уровне и закрепившим «перезагрузку» исторической памяти. Именно он впервые на уровне региона сформулировал направления государственной поддержки казачества. Закон официально признал репрессивные акты советского периода (начиная с 1918 года) в отношении казачества незаконными и преступными. Он отменил их действие на территории Краснодарского края, что позволило перечеркнуть политику «расказачивания» и вернуть репрессированному этносоциальному сообществу его честное имя, став, по сути, «вторым днем рождения» Кубанского казачьего войска.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Принятие закона заложило основу для изменения общественного и культурного ландшафта региона. Закон установил региональный праздник-День реабилитации кубанского казачества (отмечается 26 апреля в привязке к федеральному закону 1991 года). Казачья культура, фольклор, исторические символы и уклад жизни перестали восприниматься как пережиток прошлого. Они официально перешли в статус охраняемого государством исторического наследия. Казачество из гонимой группы превратилось в ключевой маркер кубанской региональной идентичности.

Таким образом, Закон №15-КЗ трансформировал кубанское казачество из исторического феномена и объекта репрессий в субъект современной общественно-политической и культурной жизни Краснодарского края. Он создал условия, при которых историческая память о казаках стала важным фактором региональной политики современной Кубани.

Следующим идеологическим и институциональным шагом стала «Концепция государственной политики Краснодарского края в отношении кубанского казачества», принятая постановлением Законодательного Собрания Краснодарского края от 23 марта 2011 г. №2493-П [7]. Этот документ закрепил системный подход региональных властей к возрождению, интеграции и поддержке казачества.

Концепция рассматривает кубанское казачество не как изолированное сословие, а как особую этнокультурную общность, что изменило подход к его роли в жизни региона и страны. Документ сформировал правовые основы для привлечения казаков к несению государственной и иной службы (охрана общественного порядка, экологический контроль, ликвидация ЧС). Изложенные в документе подходы стали фундаментом для внедрения региональных образовательных программ (включая обязательное изучение истории и традиций кубанского казачества в школах, кадетских корпусах и классах казачьей направленности). Концепция также закрепила принципы учета традиций кубанского казачества при решении вопросов местного значения и привлечения казачьих обществ к разработке региональной политики. Этот стратегический документ стал осно-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

вой для развития долгосрочных краевых целевых программ поддержки Кубанского войскового казачьего общества.

Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации (в состав которого входят и войсковые казачьи общества) был учрежден Указом Президента РФ от 9 августа 1995 года №835 «О Государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» [1]. В середине 1990-х гг. на территории России было зарегистрировано 438 общественных объединений казаков в 75 из 89 субъектов Российской Федерации. Согласно Перечню казачьих обществ, на февраль 1999 г. в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации были зачислены 490 516 казаков России, из них по Кубанскому казачьему войску – 130 630 человек [11].

Позже правовая и организационная основа реестра, а также порядок несения казаками государственной службы были закреплены на уровне федерального законодательства – Федеральным законом от 5 декабря 2005 года №154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» [2].

2.3. Губернаторы Кубани как носители идентичности.

Особый исследовательский интерес представляет вопрос о персональной связи высших руководителей Краснодарского края с казачеством. Практически все губернаторы постсоветского периода не просто руководили регионом, но и имели глубокие родовые казачьи корни в кубанских станицах. Для большинства из них казачья идентичность стала ключевой частью политического имиджа, подкрепляемого политикой «перезагрузки» исторической памяти и масштабной государственной программой возрождения Кубанского казачьего войска (ККВ). Этот сюжет позволяет увидеть, что «рамочная перезагрузка» памяти в Краснодарском крае имела не только институциональное, но и личностное (биографическое) измерение, в терминах Бурдьё-эффект «габитуса» агентов поля власти, вписанных в казачью социальную среду.

Николай Дмитриевич Егоров (глава администрации края в 1992–1994 и 1996–1997 гг.) родился в станице Зассовской Лабинского района-на исторической территории Линейного казачьего войска (линейцы). Выходец из потом-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ственной казачьей семьи, он стоял у истоков официального признания и институционализации казачества на государственной службе. Будучи главой региона, а затем министром РФ по делам национальностей и региональной политике в составе первого правительства В.С. Черномырдина, Егоров активно продвигал законы о реабилитации казачества и интеграции казачьих структур в систему общественной безопасности края.

Евгений Михайлович Харитонов (глава администрации в 1994–1996 гг.) родился в станице Михайловской Курганинского района, которая исторически относилась к Линейному казачеству (бывший Лабинский полк). Родовые корни Харитонова глубоко уходят в крестьянско-казачью среду Кубани. В период его руководства краем продолжалось формирование нормативно-правовой базы для реестрового казачества, поддерживались традиционные формы хозяйствования на селе и агропромышленный сектор, тесно связанный со станичным укладом [13].

Николай Игнатович Кондратенко (губернатор в 1997–2001 гг.) родился в станице Пластуновской Динского района-само название станицы происходит от знаменитых пластунов, казачьих пеших разведчиков Черноморского (позже Кубанского) войска. Один из самых ярких идеологов кубанского самосознания, он по рождению и духу являлся потомственным казаком. Показательно, что формально Кондратенко не состоял в казачьих обществах-и это важная деталь для нашего анализа: принадлежность к казачеству здесь конструируется не через формальное членство, а через биографию, публичную репрезентацию нарратива державного консерватизма и символическую демонстрацию казачьей аутентичности. За самобытный стиль управления краем, отстаивание интересов жителей региона в период противостояния с федеральным центром (так называемый «хлебный» (или «зерновой») конфликт 1997–1998 годов) и сохранение казачьих традиций он получил в народе уважительное прозвище «Батька Кондрат». Именно при нём казачество стало развиваться как главная этнокультурная и патриотическая сила края [8].

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Александр Николаевич Ткачёв (губернатор в 2001–2015 гг.) родился в станице Выселки Выселковского района, основанной в конце XIX века переселенцами из черноморских станиц и сохранившей выраженную казачью культуру. Ткачёв неоднократно подчёркивал свои казачьи корни и сделал казачество официальной опорой региональной власти. При его поддержке ККВ стало самым многочисленным и организованным в России: казачьи дружины получили официальный статус и вышли на совместное патрулирование улиц с полицией, началось массовое создание казачьих кадетских корпусов и классов.

Вениамин Иванович Кондратьев (губернатор с 2015 г. по настоящее время) родился в городе Прокопьевске Кемеровской области, однако его родовые и профессиональные корни неразрывно связаны с Краснодарским краем, где он вырос и построил карьеру. Кондратьев позиционирует себя как продолжатель традиций кубанской земли. При его руководстве интеграция казачества в государственную жизнь достигла наибольшей полноты: атаманы ККВ стали одновременно занимать должности вице-губернаторов края, а районные атаманы-посты заместителей глав муниципалитетов. Основной упор Кондратьев делает на экономическую самостоятельность казачества (выделение казачьим обществам земли без торгов для создания собственного агробизнеса) и развитие казачьего образования в школах [9].

Таким образом, для всех пяти губернаторов казачьи корни и традиции региона стали не просто фактом биографии, а определяющим фактором содержания внутренней политики. Благодаря их личному влиянию Краснодарский край превратился в один из основных регионов Федерации по возрождению казачества и его интеграции в современную систему государственного управления России.

При этом важно зафиксировать аналитическую асимметрию, которую выявляет сравнение этих кейсов. Наличие «казачьей родословной» не является ни необходимым, ни достаточным условием успешности проекта: Кондратенко формально не состоял в казачьих обществах, а Кондратьев родился за пределами края – однако оба реализовывали проект не менее последовательно, чем вы-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ходцы из станиц. Это подтверждает тезис о том, что «рамочная перезагрузка» памяти институционализирована глубже личных биографий-в нормативной базе, бюджете, структурах администрации и в самом ККВ. Биографическая «казачья компонента» губернаторов выполняет, скорее, функцию символической легитимации: она делает проект органичным в глазах населения, создавая образ «своей», «станичной» власти. В терминах Хальбвакса – это усиление социальной рамки памяти через фигуру «носителя традиции»; в терминах Бурдьё – накопление специфического символического капитала, который затем конвертируется в легитимность региональной политики в целом.

Отдельно следует отметить кумулятивный эффект смены губернаторов-«казаков». Каждый из них вносил свой вклад в разные фазы проекта: Егоров-в правовое признание, Харитонов-в нормативную базу и аграрно-станичный уклад, Кондратенко – в этнокультурную мобилизацию и идеологию, Ткачёв – в институциональное оформление ККВ как «опоры власти», Кондратьев-в максимальную интеграцию казачьих структур в систему управления и экономику. Это позволяет рассматривать региональный проект возрождения казачества не как политику одного лидера, а как устойчивую линию преемственности, воспроизводящуюся вне зависимости от персоналий.

3. Символический капитал территории.

3.1. Герб, флаг, гимн.

Закон Краснодарского края от 5 мая 1995 г. №5-КЗ «О символах Краснодарского края» закрепил герб, флаг и гимн края. Герб восходит к историческому гербу 1849 г. и содержит казачью атрибутику (пернач, бунчук, вензель Екатерины II). Эмблематика флага построена на основе изображений исторических кубанских знамён, а гимн – «Ты, Кубань, ты наша Родина» (слова полковника К. Образцова, 1914) – прямо отсылает к казачьей песенной традиции.

С точки зрения Нора, официальная символика – классическое место памяти: она материальна (герб, флаг), ритуализирована (исполнение гимна, поднятие флага в казачьих классах) и обладает высокой степенью эмоциональной наполненности. С точки зрения Бурдьё – это символический капитал территории,

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

обусловливающий «историческую легитимность» казачества, которую краевая власть делает «естественным» конструктом региона. Важен и сам факт того, что именно казачья символика стала доминирующей в публичном пространстве Краснодарского края.

3.2. Музей-реконструкция «Атамань» как «место памяти».

Одним из ключевых проектов по конструированию «мест памяти» стало создание этнографического комплекса «Атамань» в посёлке Тамань Темрюкского района Краснодарского края. Идея его создания принадлежала бывшему губернатору Краснодарского края А.Н. Ткачёву. Проект был инициирован в августе 2009 года на основании постановления главы администрации края. Финансовую и материальную нагрузку по возведению объектов разделили между собой города и районы Кубани [22].

Это масштабный музей под открытым небом, представляющий собой стилизованную казачью станицу XIX века. Комплекс включает десятки домов, хозяйственные постройки, церкви, мельницы, ремесленные мастерские, воссоздающие быт и хозяйственную деятельность кубанских казаков.

Вместе с тем «Атамань» – это не просто музей, а «место памяти» в терминологии П. Нора. И вот почему: 1) комплекс физически воплощает прошлое; 2) здесь проводятся фестивали, реконструкции, казачьи обряды, привлекающие тысячи туристов; 3) «Атамань» аккумулирует в себе ключевые смыслы кубанской идентичности, связанные с казачеством; 4) комплекс представляет определённую, «очищенную» от противоречий версию прошлого, где доминируют образы трудолюбивых, гостеприимных, воинственных и православных казаков.

Создание «Атамани» являлось частью общей стратегии брендирования территории. При этом примечательно, что в концепцию брендирования Краснодарского края казачья идентичность вписана не как изолированный исторический артефакт, а как сквозной социокультурный и экономический код, связывающий традиции региона с его современным позиционированием. Из узкоэтнического образа казачество трансформировалось в базовый маркер кубанского качества, гостеприимства и порядка [19].

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Помимо этого, Кубанское казачье войско развивает собственную торговую марку «Казаки Кубани». Под этим брендом объединяются местные производители сельскохозяйственной продукции, экологически чистых продуктов и товаров народных промыслов [16].

Символический капитал, создаваемый таким образом, привлекает туристов, инвесторов и способствует формированию лояльности местного населения к региональной власти, которая выступает гарантом сохранения этой «самобытности».

3.3. Коммеморативные практики «перезагрузки» исторической памяти.

Важным инструментом «перезагрузки» исторической памяти являются коммеморативные практики. С 1990-х годов в «столице казачьего края» (Краснодаре) начался процесс восстановления ключевых мест памяти, что стало маркером смены коммеморативной парадигмы. Приведем краткую хронология событий: 1999 год – восстановлен Обелиск в честь 200-летия Кубанского казачьего войска; 2006 год – освящён восстановленный Войсковой собор Александра Невского (возвращение сакрального центра); 2007 год -открыт восстановленный памятник Екатерине II (скульптор А. Аполлонов). В новой версии скульптуры образ императрицы переосмыслен: вместо «символа державной имперскости» она предстала как «дарительница кубанских земель»; 2009 год – воссоздана Триумфальная арка, символизирующая военную славу казачества.

Наряду с восстановлением разрушенных историко-архитектурных памятников значимым инструментом реконструкции идентичности стало символическое «переустройство» городской среды. Менялись и возвращались названия улиц (в 1997 году главной улице города Красной было официально возвращено её историческое имя (в советское время она носила имя Сталина), возвращено историческое название улице Рашпилевской, данное в честь генерал-лейтенанта Черноморского казачьего войска Г.А. Рашпиля (в советский период – улица Шаумяна), в центральной части Краснодара вновь появилась Екатерининская площадь. Были установлены мемориальные доски казачьим атаманам на исторических зданиях города – на стенах Мариинского института, войсковой гимна-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

зии, появились скульптурные композиции, посвящённые казакам-первопоселенцам, пластунам, атаманам. Такая «мягкая» коммеморация воздействует на процесс восстановления исторической памяти более эффективно, чем монументальная: она становится привычным элементом городской среды, нормализуя казачьи смыслы в урбанистическом пространстве столицы казачьего края.

Пьер Нора отмечает, что места памяти принадлежат двум царствам, сочетая материальное, символическое и функциональное измерения [18]. Именно в этой двойственности и заключён механизм «перезагрузки»: воссозданный объект физически новый, но семиотически он отсылает к дореволюционному прошлому, возрождая прерванную в 1920-е годы связь времен.

Особую роль играет возвращение дореволюционных топонимов и их «сосуществование» с советскими названиями. Коммеморативный конфликт в топонимике, как правило, разрешается не вытеснением, а наложением: станица может одновременно помнить название советское и неофициальное казачье, а городское пространство – хранить следы обеих эпох. Такая многослойность памяти, описанная ещё М. Хальбваксом как свойство коллективных «рамок памяти», позволяет разным группам «узнавать» в одном и том же месте своё прошлое [25].

Кроме этого, коммеморативный процесс «перезагрузки» исторической памяти в Краснодарском крае включает ежегодные парады Кубанского казачьего войска, особенно те, что проходят в День Победы и в день празднования Покрова Пресвятой Богородицы (покровительницы казачества). Эти парады демонстрируют единство, силу и государственную значимость казачества, интегрируя его в главный государственный праздник.

Государственный Кубанский казачий хор и фестивали народного искусства играют ключевую роль в «перезагрузке» исторической памяти, трансформируя академическую историю в живую, эмоционально воспринимаемую культуру. Они выступают не просто как развлекательные институты, а как мощные инструменты формирования региональной идентичности. Стоит подчеркнуть, что

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

архивные документы и учебники истории статичны, в то время как хор и фестивали предлагают динамическую коммеморацию. Концепт Пьера Нора о «местах памяти» здесь расширяется: память переносится с памятников и документов на живых носителей-артистов и участников фестивалей. Эти практики, нацеленные на эмоциональное вовлечение, являются эффективным инструментом трансляции новых смыслов. Они создают «эффект присутствия», делая прошлое доступным и понятным, особенно для молодёжи.

Важнейшим коммеморативным актом в процессе «перезагрузки» исторической памяти стала реституция регалий и реликвий Кубанского казачьего войска. Вывезенные в 1918 г. в Константинополь, а затем в Белград, регалии хранились «на чужбине». Часть их погибла при бомбардировках Белграда в годы Второй мировой войны, уцелевшее было собрано и сохранено казачьей общиной в США [15]. Возвращение святынь на Кубань (первая партия – 2007 г., заключительная – 2011 г.) стало возможным благодаря подвижнической деятельности первого войскового атамана ККВ В. П. Громова и доброй воле хранителя музея Кубанского казачьего войска в городе Хоувелл (штат Нью-Джерси, США) А. М. Певнева [24].

В настоящее время регалии – жалованная грамота Екатерины II 1792 г., императорские знамёна и грамоты, оружие – составляют основу коллекции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына и регулярно предоставляются для торжественных мероприятий войска. Возвращение артефактов стало символом восстановления исторической справедливости, сохранения казачьей идентичности и признания вклада казачества в историю страны.

В научной оптике П. Нора регалии – классические «места памяти»: они материализуют утраченное прошлое и делают его доступным для переживания; в оптике П. Бурдьё их возвращение и публичная демонстрация конвертируют историческую символику в символический капитал региона и Кубанского казачьего войска.

3.4. Казачье образование как институт трансляции идентичности.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Институциональным каналом трансляции казачьей идентичности стала система казачьего образования. Как показывает Г. О. Мациевский, её формирование прошло несколько этапов: от спонтанного появления отдельных казачьих классов и групп в 1990-е гг. (первый казачий класс открыт в 1998 г. в станице Тбилисской; в Краснодаре в 1994 г. создан кадетский корпус им. М. П. Бабыча) до складывания многоуровневой системы «детский сад-школа-учреждение дополнительного образования-казачий кадетский корпус-ссуз-вуз» [17]. Нормативной базой стали распоряжение главы администрации края №161-р от 18 марта 2008 г. и краевая целевая программа «Развитие образования в казачьих классах» на 2010–2012 гг., а организационно-методическое обеспечение осуществлялось краевыми департаментами по делам казачества и образования. К 2015 г. в крае действовало 6 казачьих кадетских корпусов и около 2 тыс. казачьих классов и групп с численностью обучающихся около 40 тыс. человек. Образовательный компонент («казачий компонент») включает историю и культуру кубанского казачества, традиции, православную культуру и военно-спортивные дисциплины. Вместе с тем, как отмечает исследователь, система долгое время испытывала кадровый дефицит, слабое учебно-методическое обеспечение и недостаток взаимодействия с казачьими обществами, а с 2016 г. фактически пережила «перезагрузку» с принятием приказа №4177/76, закрепившего требования к классам и группам казачьей направленности.

4. Когнитивный уровень: восприятие и присвоение идентичности.

4.1. Региональная идентичность в отражении общественного мнения.

«Рамочная перезагрузка» памяти не происходит автоматически. Успех проекта зависит от того, насколько сконструированная идентичность будет воспринята и присвоена населением. Здесь ключевую роль играет когнитивный уровень, связанный с восприятием, интерпретацией и усвоением предложенных нарративов.

Социологические исследования, проведённые в Краснодарском крае, показывают неоднозначную картину. Согласно данным А.В. Бредихина [10], более 70% опрошенных жителей края положительно относятся к возрождению каза-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

чества. Большинство (более 60%) видят в казачестве культурно-историческое наследие, а около 30%-носителей традиционных ценностей и защитников правопорядка.

Примечательно, что наблюдаются любопытные расколы по типу идентичности. Около 40% респондентов идентифицируют себя как «кубанцы», 25% – как «россияне», и лишь около 10% – как «казаки» (при этом число желающих вступить в казачьи общества намного выше). Это указывает на то, что «казачья идентичность» в основном сконструирована «сверху» и не всегда органично воспринимается населением. «Кубанская идентичность» более широка и инклюзивна, нежели «казачья».

Тем не менее, большинство опрошенных (более 75%) поддерживают государственную политику по отношению к казачеству, включая казачье образование и патрулирование. Это свидетельствует о высокой степени принятия институциональных аспектов проекта, которые воспринимаются как важные для региональной стабильности и порядка.

Эмпирическую основу оценки эффективности проекта дают материалы исследования Э. А. Онуфриенко, посвящённого восприятию казачества жителями Краснодара. По данным опроса 2023 г. (n = 403), более половины респондентов (52,9%) относятся к тому, что кубанское казачество считается одним из символов Краснодарского края, положительно, 36,5% – нейтрально, и лишь 3,5% – отрицательно [20]. При этом выявлена отчётливая возрастная дифференциация: среди респондентов 18–29 лет положительно настроены 31,7%, тогда как среди лиц 30–59 лет – 55,1%, а среди 60 лет и старше – 60,4%. Иными словами, символический капитал казачества как регионального маркера неоднороден среди разных возрастных групп (поколений): молодёжь демонстрирует более критичное отношение и чаще воспринимает казачество как «искусственный» конструкт, тогда как старшие группы респондентов видят в нём исторический и культурный символ региона. Показательна и готовность родителей записывать детей в казачьи классы: в целом положительно высказались 32,5% опрошенных, но среди молодёжи 18–29 лет – лишь 14,3%, а среди 30–59 лет – 39,3%. Это

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

позволяет уточнить вывод об эффективности проекта: он успешен на уровне институциональной и символической легитимации, но лишь частично – на уровне межпоколенческой трансляции идентичности.

4.2. «Эффект габитуса» и «символическое насилие».

Для тех, кто родился и вырос в станицах, особенно в семьях с казачьими корнями, проект возрождения казачества, скорее всего, воспринимается как естественное возвращение к своим истокам. В этом случае «рамочная перезагрузка» памяти происходит с минимальным сопротивлением, поскольку она совпадает с уже имеющимся «габитусом» – системой диспозиций, приобретённых через социализацию.

Для жителей городов, а также для мигрантов, не имеющих прямой связи с казачьей традицией, проект может восприниматься как навязанный. В контексте концепции П. Бурдьё это можно трактовать как «символическое насилие»: власть, опираясь на свой символический капитал (официальные документы, СМИ, школьные программы), навязывает определённую интерпретацию прошлого и настоящего как единственно верную. Хотя прямого отторжения может не быть (из-за высокой поддержки властей), такая идентичность не всегда глубоко «присваивается».

4.3. Критика и альтернативные нарративы.

Важно отметить, что, несмотря на доминирование в публичном пространстве официального нарратива, в Краснодарском крае существуют и альтернативные взгляды на современную социально-политическую ситуацию на Кубани. Они могут проявляться в академической среде, где исследователи обсуждают вопросы о противоречиях казачьей истории (например, роль казачества в Гражданской войне, отношение к генералу Л.Г. Корнилову), в общественном дискурсе, где ставится под сомнение монополия власти на интерпретацию прошлого, в фольклорной и художественной среде, где появляются произведения, осмысляющие казачью идентичность более сложно и неоднозначно. Кроме этого, особый статус и институционализация казачества (дружины, участие в управлении и охране порядка) в определенных ситуациях вызывают непонимание или

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

напряженность в отношениях с остальной частью полиэтнического общества, воспринимающей это как привилегии для отдельной группы [14]. Однако эти нарративы, как правило, не обладают достаточным символическим капиталом, чтобы конкурировать с официальной региональной политикой властей, транслируемой через государственные институты.

Заключение.

Региональный проект возрождения кубанского казачества, начавшись как общественное движение, был последовательно институционализирован и трансформирован в масштабный государственный проект. Ключевым механизмом этой трансформации стала «рамочная перезагрузка» исторической памяти, которая выразилась в создании нормативно-правовой базы, формирование органов управления, интеграция казачьих структур в систему государственной службы; производстве новых «мест памяти» (герб, флаг, гимн, «Атаманъ», памятники, коммеморативные практики), которые транслируют определённую версию казачьей идентичности; привлечении губернаторов с «казачьей родословной» как носителей и гарантов традиций, что способствовало аутентификации проекта; продвижение сконструированной идентичности через образование, СМИ и коммеморативные практики, что привело к высокой степени её принятия населением, особенно на институциональном уровне.

Таким образом, Краснодарский край стал уникальной площадкой, где государственная политика памяти активно формировала социокультурную идентичность региона, используя казачество как ключевой ресурс консолидации общества и легитимации власти. «Перезагрузка» исторической памяти здесь выступила как инструмент формирования региональной идентичности и как механизм конвертации культурных смыслов в политический и символический капитал.

Список литературы

1. О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации : Указ Президента РФ : от 9 августа 1995 г. №835 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3339.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

2. О государственной службе российского казачества : Федеральный закон : от 5 декабря 2005 г. №154-ФЗ : ред. от 23.03.2024 // Российская газета. – 2005. – № 276.

3. О реабилитации репрессированных народов : Закон РСФСР : от 26 апреля 1991 г. №1107-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 18. – С. 572.

4. О реабилитации казачества : Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1992 г. №3321-I (с изм. от 26 июня 2007 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1805.

5. О реабилитации кубанского казачества : Закон Краснодарского края : от 9 октября 1995 г. №15-КЗ // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. – 1995. – № 6. – С. 45.

6. О символах Краснодарского края : Закон Краснодарского края : от 5 мая 1995 г. №5-КЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/461605921 (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

7. Об утверждении Концепции государственной политики Краснодарского края в отношении кубанского казачества : Постановление Законодательного Собрания Краснодарского края : от 23 марта 2011 г. №2493-П // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/444721059 (дата обращения: 02.11.2026). – Текст : электронный.

8. Батько Кондрат: от сердца к сердцу : сборник / авт.-сост. В. Ротов. – Краснодар : Советская Кубань, 2000. – 464 с.

9. Биография В.И. Кондратьева // Официальный сайт администрации Краснодарского края. – Краснодар, 2001. – URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1221/ (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

10. Бредихин, А. В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества / А. В. Бредихин // Государственное управление. Электронный

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

вестник. – 2017. – № 61. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnosotsialnaya-identichnost-sovremennogo-rossiyskogo-kazachestva/viewer (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

11. Бугай, Н. Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? / Н. Ф. Бугай // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-kazachestvo-i-problema-identichnosti-s-voprosom-kto-my (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

12. Бурдье, П. Практический смысл / П. Бурдье ; пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с.

13. Губернаторы Краснодарского края: Харитонов Евгений Михайлович // Портал истории Кубани. – URL: https://kuban.h1n.ru/0018.htm (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

14. Кольба, А. И. Интегративный и конфликтный ракурсы кубанской идентичности / А. И. Кольба // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2011. – № S. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnyy-i-konfliktnyy-rakursy-kubanskoy-identichnosti (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

15. Корсакова, Н. А. Регалии и реликвии Кубанского казачьего войска / Н. А. Корсакова, Б. Е. Фролов. – Краснодар : Традиция, 2012. – 244 с.

16. Кубанские казаки решили создать собственную торговую марку // Медиапортал Национальный акцент. – 2021. – URL: https://nazaccent.ru/content/37252-kubanskie-kazaki-reshili-sozdat-sobstvennuyu-torgovuyu-marku/ (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

17. Мациевский, Г. О. Современная система казачьего образования на Кубани: этапы развития и особенности / Г. О. Мациевский // Педагогика и просвещение. – 2017. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sistema-kazachiego-obrazovaniya-na-kubani-etapy-razvitiya-i-osobennosti (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

18. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1999. – 325 с.

19. О внесении изменений в распоряжение Губернатора Краснодарского края от 27 февраля 2024 г. №38-р «Об утверждении плана мероприятий на 2024–2026 годы по реализации в Краснодарском крае Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» : распоряжение Губернатора Краснодарского края от 15 сент. 2025 г. №582-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2024. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

20. Онуфриенко, Э. А. Кубанское казачество в восприятии жителей Краснодара / Э. А. Онуфриенко // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2026. – № 2 (26). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kubanskoe-kazachestvo-v-vospriyatii-zhiteley-krasnodara (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

21. О реабилитации казачества : Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1992 г. №3321-I (с изм. от 26 июня 2007 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 30. – С. 1805.

22. Проект «Атамань» // Электронная газета «Новые Ведомости». – 2017. – URL: https://nvdaily.ru/info/108166.html (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

23. Рвачева, О. В. Возрождение казачества на Юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.): историко-сравнительный анализ : автореф. дис.... д-ра ист. наук / О. В. Рвачева. – Волгоград, 2022.

24. Регалии кубанского казачьего войска вернули в РФ из США // РИА Новости. – 2011. – URL: https://ria.ru/20111001/447200968.html (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

25. Романовская, Е. В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти / Е. В. Романовская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – № 3. – URL:

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

https://cyberleninka.ru/article/n/moris-halbvaks-kulturnye-aspekty-pamyati (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

26. Указ Президента РФ : от 15 июня 1992 г. №632 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

27. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27.

28. Шевченко, В. Ф. Образование первых казачьих общественных организаций в Краснодарском крае и их взаимодействие (1990–1993 гг.) / В. Ф. Шевченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 10–1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-pervyh-kazachih-obschestvennyh-organizatsiy-v-krasnodarskom-krae-i-ih-vzaimodeystvie-1990–1993-gg (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)